

Рассерженные горожане: как локальные конфликты меняют общество.

Часто раздражает не само действие, а тональность и способ коммуникации. Потеря контакта с аудиторией – чувство, знакомое людям, которые работают в жанре публичных выступлений.

Кем были тысячи людей, которые собрались вчера в Москве на проспекте Сахарова? Оппозицией? Как показывает наш замер, далеко не в основной своей части. Просто оппонентами реновации? Но это скользкое и чужое слово далеко не исчерпывает всей сути протеста. Скорее, участники митинга стремились опрокинуть тот порядок социальной инженерии, который превращает население в объект проектирования, ни финальные цели которого, ни средства и механизмы не понятны. «За нас все решили» – вот это сквозное настроение внутренней обиды определяет логику социального действия. Население (разумеется, не 100%, но весомая доля) чувствует себя объектом манипулирования, которое затрагивает непосредственные жизненные интересы, и на уровне коммуникаций московское правительство не может пока изменить это представление.

В последнее время исследовательская группа, созданная на базе Центра социального проектирования «Платформа», внимательно изучала феномен российских локальных конфликтов – то есть конфликтов, ограниченных местной повесткой. В массовом сознании эти конфликты часто представляются в самом общем виде: возникла общественная коллизия, некие люди вышли на митинги, власть ответила им так-то, те остались неудовлетворенными и т. п. Для социологов интересна механика протеста: кто и как организовал движение, как устроено протестное ядро (мы называем его «резонансная группа»), какие причины ведут к эскалации конфликта и его возможному выходу на федеральный уровень публичности; какие способы блокировки,

сдерживания конфликтов наиболее оптимальны.

С разной степенью интенсивности в стране за последние годы были перебраны все возможные типы подобных конфликтов: связанные с жилой застройкой, экологическими проблемами, инфраструктурным строительством, памятниками культурного наследия, региональными политическими коллизиями. В последнее время эти конфликты возникают довольно часто, наслаиваясь друг на друга. Питерский Исакий, дагестанские дальнобойщики, екатеринбургский «храм на воде», московские хрущевки и геттообразная застройка Московской области – целый набор подобных кейсов формирует ощущение пузырящейся конфликтами топкой почвы, реальные процессы внутри которой еще слабо изучены. «Локальность» может казаться смягчающим понятием. Однако именно на местном уровне затрагиваются непосредственные жизненные интересы людей, и на улицы выходит не оппозиция, а население в широком смысле слова, и основной риск заключается в том, что сознание этих людей стало подвижным, вышло из-под контроля. Февральская революция в России, к примеру, началась с вполне локальной истории.

В ходе таких конфликтов появляются альтернативная общественная повестка, альтернативные лидеры, альтернативное видение социальной реальности. Если наложить карту протестной активности в регионах на карту выборов в Государственную думу 2016-го года, то мы увидим, что практически во всех зонах повышенной общественной сейсмичности процент явки был крайне невысок. Область реальных интересов перестает совпадать с теми программами и декларациями, которые озвучивают представители системных институтов. Возникают как бы две социальные вселенные. На вчерашнем московском митинге вообще не было политического истеблишмента, но от этого он не утратил своей остроты. Можно утверждать, что именно локальные конфликты будут определять политический ландшафт ближайшего периода.

Характерно, что в нашем экспертном рейтинге локальных конфликтов первая тройка регионов – Москва, Петербург и Московская область – казалось бы, обладает наибольшим

потенциалом для снижения напряженности за счет социальных инвестиций, политического ресурса и контролируемых медийных инструментов. Однако картина получается обратной. Здесь сказывается целый комплекс объективных и субъективных причин. Возьмем совсем субъективный фактор – тип руководителей этих регионов. Как правило, эти фигуры выглядят крайне дистантно по отношению к социальной среде своих регионов. Дело не в том, что они пришли со стороны: это не фатальная причина. Проблема в том, что они подчеркнуто сохраняют эту инаковость и в своем самовосприятии они выше своего региона, видят в нем этап политической карьеры. Регион оказывается средством собственной проекции на федеральный экран. Таким руководителям нужны мегапроекты, нужна поддержка ключевых фигур федерального истеблишмента, нужно не просто звучание, а звон колоколов. Ключевой аудиторией является уже не население региона, а несколько фигур политической элиты, вернее даже, одна фигура. Ну а недовольство на местах, так «лес рубят – щепки летят».

Все это приводит к явлению, которое я называю «потерей социальной чувствительности». Есть схема реализации проекта, которая в кабинетном варианте выглядит совершенно убедительной. Однако ее разработчикам не хватает осознания гуманитарных факторов, которые схватывают уникальность и сложность ситуации. Например, учитывают повышенную символичность некоторых объектов. Или позволяют поймать верное чувство стиля для взаимодействия с аудиторией. Ведь часто раздражает не само действие, а тональность и способ коммуникации. Потеря контакта с аудиторией – чувство, знакомое людям, которые работают в жанре публичных выступлений. Но самое плохое, что в окружении руководителя, как правило, нет фигуры, способной сообщить ему об этом себе. Внутренние взаимодействия в управленческих структурах не предполагают реальной критики происходящего.

Приведу несколько известных примеров. Питерский Исакий. Губернатор Полтавченко, как принято считать, глубоко верующий человек, и поэтому он искренне хочет передать собор в

распоряжение РПЦ. Он может принимать данные многочисленных опросов, которые указывают на высокий авторитет института церкви в обществе, а также на естественность положения вещей, при котором культовое строение принадлежит религиозной структуре. Но это слишком простая схема. Она, к примеру, не берет в расчет повышенного символизма собора для городской среды в целом. А если предмет становится символом, его нельзя просто взять и переложить с одного места на другое. Такая позиция не учитывает и менталитета городской интеллигенции, для которой грубое продавливание решений будет вести к упругому и активному сопротивлению. Не учитывает опыта городского сообщества по сопротивлению непопулярным архитектурным проектам вроде «Охта-центра». Не видит, что позитивное отношение к церкви распределено неравномерно: в кругу интеллигенции – той группы, которая задает основное поле интерпретаций, – гораздо более развит критический настрой к церковной администрации.

Похожую ситуацию мы наблюдаем в Москве. Можно привести массу аргументов в пользу реновации даже в ее изначально пещерном варианте. Но качество сообщений, которые исходили от мэрии, оказалось слабым. Какой-либо диалог на уровне человеческого, а не бюрократического и не директивного языка с экспертным сообществом и населением не был выстроен. Эксперты «отомстили» своей базовой интерпретацией: реновация связана не с интересами москвичей, а с коммерческими интересами крупных застройщиков. Эта версия была стремительно подхвачена и стала доминирующей на прошедшем митинге. Мэрия совершенно не учла трудноуловимую из кабинетного пространства категорию «уклада жизни», «социальной привычки», исторических связей внутри городского пространства. И одна из наиболее типичных ошибок – не был сформирован образ будущего. Хорошо, хрущевки снесут, а что взамен? Шанхай, набор безвкусных типичных новостроек, разрушающих экологию пространства? Или что-то, отвечающее современной архитектурной стилистике? В итоге тема «Собянин превращает город в Шанхай» стала одной из ключевых в воскресных событиях.

Региональная власть часто видит свое преимущество в наличии подконтрольных медиахолдингов. Однако этот ресурс создает, скорее, ощущение защитного кокона, оболочки, которая экранирует все внешние воздействия, не пропуская их внутрь. Внутри кокона среда кажется совершенно комфортной. Она убеждает его обитателей в отсутствии рисков, в высокой степени лоялизма граждан и контроле за ситуацией. При этом она лишает навыка коммуникации в открытых системах, когда имеешь дело не с одновекторной схемой «власть – население», а со сложными переплетениями различных позиций и комбинациями различных игроков, а исход процесса не поддается точному прогнозированию. Проще говоря, власть лишается навыка публичной полемики, которая предполагает живую стилистику, проработку аргументаций и поиск внешних союзников, эстетику игры, высокую степень мобильности.

Медийная стратегия часто сводит протест к упрощенной схеме. Участники делаются на две группы: провокаторы и введенная в заблуждение масса. Природа провокаторов объясняется через различные теневые факторы: хотят власти, работают на гранты, выполняют заказ неведомых олигархов, используют доверчивое население для политических задач, питают ненависть ко всему русскому, не понимают интересов прогресса и тому подобное. И дело не только в осознанном манипулировании. Представители власти часто искренне верят, что такой образ совершенно адекватен реальности. Медиа и чиновники как бы экранируют позиции друг друга. Такая модель описания оппонента, по нашему мнению, уже перестает работать, теряет свою убедительность, хотя PR-менеджеры продолжают «продавать» ее руководству. Но лишение оппонента субъектности приводит к тому, что диалог становится невозможен, а значит, сторонам не остается ничего другого, как эскалировать ситуацию. Вообще есть два возможных подхода работы с оппонентом: инклюзивный, когда ищутся способы включения всех сторон в переговорный процесс, идет поиск компромисса и понимания, и второй – эксклюзивный, когда вторая сторона воспринимается исключительно как внешний объект, выносится за скобки и расценивается только как угроза. В

российской действительности, как правило, преобладает второй подход, который лишает конфликт позитивного потенциала – через полемику, сопоставление позиций запускать мотор социальных инноваций.

Вся архитектура конфликта невозможна без третьего компонента – федерального уровня. Традиционно федеральный центр избегает сильной интеграции в местные истории, балансируя между позицией наблюдателя и арбитра. Однозначные сигналы, как правило, отсутствуют. Поэтому конфликтующие стороны, поймав редкий сигнал из Кремля, начинают схватку за его интерпретацию. Сообщения могут быть при этом совершенно невнятными. Например, что следует из утечки «Полтавченко не согласовывал с Кремлем передачу Исаакиевского собора»? Возможны разные варианты. Например, Кремль против передачи либо Кремль делегирует этот вопрос местной власти, либо простая констатация – разбирайтесь в своих проблемах сами. В истории с реновацией такое же поле догадок создала инициатива Володина по переносу второго чтения закона на более поздний срок. Но внешняя пассивность центра не всегда является нерешительностью; за ней может стоять практика управляемых конфликтов, которая позволяет тестировать и контролировать региональную власть. И, конечно, такие конфликты дают возможность удерживать недовольство на местном уровне, управлять выбросами социальной энергии.

И наконец, о том, что оптимально делать на фоне роста локальных конфликтов. Первое – разрабатывать диалоговые (инклюзивные) формы работы с оппонентами. В большинстве случаев это пойдет только на пользу авторитету местной власти и повысит ее компетентность. Второе – создавать эффективные каналы обратной связи с обществом. Нынешние, как правило, на совершенно устаревшем либо манипулятивном уровне. Третье – менять стилистику и содержание коммуникаций в сторону большей модерновости. Четвертое – расценивать локальные конфликты не только через негативные стороны, но видеть позитивные моменты: формирование ответственного гражданского

общества. А изменение оптики восприятия изменит и отношение к процессу в целом.